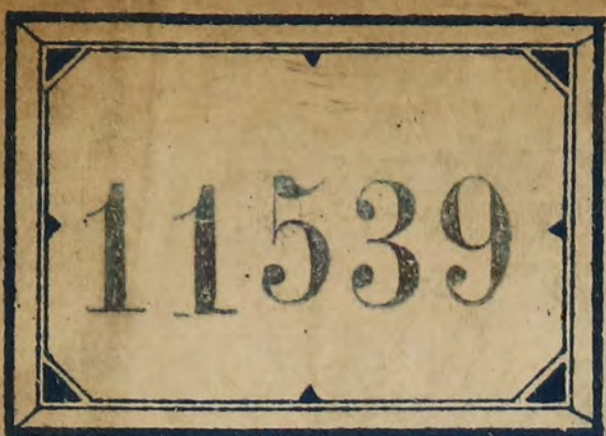

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ,

ВЫДАВАЕМЫЯ

ОТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. НАДЕЖДИНА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА И ЧЛЕНА СОВѢТА Р. Г. О.

1848.

Выпускъ 1.

5. Д. Ч. О. Генераль-Маіоръ Мендѣ прислалъ къ г. Помощнику Предсѣдателя два рисунка, изображающіе костюмы разныхъ народовъ Киргизской-Степи, и письмо Землемѣра *Бабикова*, который проситъ, рисунки эти писанные имъ съ натуры, представить Его Императорскому Высочеству Предсѣдателю Общества, увѣдомляя приэтомъ, что онъ могъ-бы доставить еще нѣсколько подобныхъ работъ и съ описаніемъ, если-бы зналъ, что они могутъ пригодиться для Общества. Г. Помощникъ Предсѣдателя исполнилъ это, и Его Высочество, принявъ съ удовольствіемъ рисунки г. Бабикова, изволилъ приказать передать ихъ въ Библіотеку Общества. Совѣтъ, съ-своей-стороны, находя, что рисунки г. Бабикова изображаютъ весьма отчетливо не только костюмы, но и самыя фізіономіи обитателей Киргизской-Степи, и что предлагаемые г. Бабиковымъ рисунки, особенно если къ нимъ приложатся подробныя описанія, будутъ не бесполезны для этнографическихъ изслѣдованій, положилъ признать г. Бабикова Членомъ Сотрудникомъ Общества. Наконецъ,

5. По предложенію Помощника Предсѣдателя, Совѣтъ избралъ въ Члены-Сотрудники Русскаго Географическаго Общества штатнаго Смотрителя Березовскихъ Училищъ г. *Абрамова*, присылавшаго Обществу неоднократно полезныя свѣдѣнія и этнографическіе предметы.

— Сообщено краткое извѣстіе о ходѣ Уральской Экспедиціи.

— Прочтены «Замѣчанія о Киргизской-Степи между Орскою Крѣпостью и Аральскимъ-Моремъ», сообщенныя отъ г. *Нѣшеля*, Гражданскаго Инженера въ Оренбургѣ, сопровождавшаго въ 1847 году Оренбургскаго Военнаго Губернатора во время похода его къ Аральскому-Морю. Не входя сначала въ частности описанія, г. Нѣшель сообщаетъ слѣдующее общее изображеніе Киргизской Степи:

«Степь является наблюдателю въ видѣ безлѣсной, бѣдной горами равнины, которая имѣетъ горизонтъ подобный морскому и сливается съ голубымъ, часто безоблачнымъ небеснымъ сводомъ. Но равнина эта не представляетъ совершенно ровной мѣстности; при ближайшемъ изслѣдованіи, она является волнообразною, такъ-что лошадь со всадникомъ, и даже большіе верблюды, на этой кажущейся равнинѣ часто скрываются отъ глаза на небольшихъ разстояніяхъ. Не рѣзко выдающіяся возвышенности перемежаются плоскими углубленіями, подобно волнамъ морскимъ, такъ-что кругъ зрѣнія то необыкновенно быстро расширяется, то весьма скоро суживается. Совершенное отсутствіе большихъ предметовъ, какъ-то: деревьевъ, строеній и тому подобнаго, затрудняетъ неопытнаго въ измѣреніи разстояній на глазъ, до такой степени, что онъ впадаетъ въ самыя грубыя ошибки. Холмы въ нѣсколько сотъ футовъ высокою становятся видными на довольно-дальнемъ разстояніи; но гораздо удивительнѣе глубокія рывины, промытыя водою, и долины съ крутыми боками, къ которымъ путешественникъ часто при-

ближается вдругъ, не замѣчая ихъ прежде. Здѣсь нѣтъ никакихъ преградъ свѣту, вѣтру и звуку; распространенію ихъ ничто не препятствуетъ. Путешественникъ нигдѣ не найдетъ тѣни, нигдѣ не укроется отъ вѣтра, нигдѣ не услышитъ эха. Почва земли вездѣ накалена, вездѣ дуетъ вѣтеръ, и вся природа кажется здѣсь мертвою. Подъ мрачными громовыми тучами иногда взвивается пыль и несется по степи въ видѣ огромныхъ кружащихся столбовъ, готовыхъ засыпать все встрѣчающееся имъ на пути. И только въ нижнихъ, сильно нагрѣтыхъ слояхъ воздуха, преломленіе лучей свѣта производитъ многократно описанныя картины марева (*fata morgana*). Жизнь и движеніе проявляются только на берегахъ водъ и на отдѣльных холмахъ и горахъ, которые лежатъ подобно оазисамъ и островамъ среди огромнаго степнаго пространства.

«Къ характеристическимъ свойствамъ Степи принадлежатъ также чрезвычайно рѣзкіе переходы изъ одного рода почвы въ другую. Здѣсь встрѣчаются разнообразнѣйшія почвы: отъ чернозема, представляющаго различныя степени плодородія, до рыхлаго сыпучаго песка и бесплодной солончаковой почвы. Къ характеристическимъ же свойствамъ Степи принадлежитъ и рѣзкое различіе явленій въ различныя времена года. Поэтому, флора, фауна и гидрографическія отношенія, нигдѣ не находятся въ такой тѣсной зависимости отъ почвы и времени года, какъ здѣсь. Каждый родъ почвы представляетъ особенныя явленія, каждое время года имѣетъ особенный характеръ.

«Такимъ образомъ, глазамъ путешественника является, въ одномъ мѣстѣ, лугъ покрытый пестро-растущими роскошными кормовыми травами, цвѣтами, кустарниками, или представляющій однообразную зелень. Въ другомъ мѣстѣ, дорога проходитъ по невысокимъ волнообразнымъ горамъ, вершины которыхъ украшены могильными памятниками, а находящіяся между ними долины и овраги наполнены прѣсною водою и представляютъ мѣстами живописные скалистые виды: здѣсь медленно перекочевываютъ Киргизы, пасущіе свои огромныя стада; здѣсь рѣзнется быстроногая сайга, является сурокъ и почти все семейство грызуновъ живущихъ въ степи; здѣсь гнѣздятся стаи птицъ и ползаютъ змѣи и зеленныя ящерицы, жужжитъ безчисленное множество жуковъ и мухъ, кричитъ сверчокъ и обжорливая саранча, и здѣсь же летаютъ пестрыя бабочки. Въ другихъ мѣстахъ, глазъ утомляется видомъ необозримыхъ, сѣрозеленыхъ и желтыхъ площадей, покрытыхъ полыню и другими растеніями: на этихъ площадяхъ мѣстами являются зеленныя оазисы, поросшіе соляными растеніями, и мѣста, покрытыя бѣлоснѣжными соляными вывѣтрелостями, или зловонныя, черныя, бездонныя солончаки, или наконецъ, отдѣльныя крутыя сопки; въ трещинахъ и разсѣлинахъ соляной почвы живутъ скорпіоны, тарантулы, фаланги и другіе роды пауковъ, а на поверхности пресмыкаются неповоротливыя жабы и ящерицы; но

въ общемъ видѣ вся мѣстность имѣетъ колоритъ сѣрый, желтый и мертвенный, даже бѣольшая часть водъ мутна и солонa: несмотря на то, эти невеселыя мѣста служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ такъ-называемой дикой лошади, или осла, верблюдовъ и овецъ, содержатъ въ себѣ обильные источники поваренной соли и не лишены горючаго матеріала (въ последнемъ видѣ особенно употребляется растение *Atriplex canna*, по-Киргизски «кыюкъ-покъ»).

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ путешественникъ видитъ только безконечную, бѣдную водою, песчаную пустыню. Все вокругъ него имѣетъ ослѣпительно-желтый цвѣтъ; воздухъ сухъ и наполненъ пылью; песокъ раскаленъ и, какъ-бы отъ дѣйствія урагановъ, скопленъ въ холмы и горы, между которыми находятся котлообразныя углубленія, содержащія годную для употребленія воду. Но эти песчаныя пустыни не вовсе лишены жизни. Нѣжная зелень свойственныхъ той почвѣ растений часто одѣваетъ отклоны возвышенностей, а въ углубленіяхъ растутъ тростникообразныя растения и часто даже густые кустарники саксаула. Въ этихъ маленькихъ садахъ обитаютъ особенные роды насѣкомыхъ и птицъ, и почва кишитъ ящерицами.

«Въ другомъ видѣ представится Степь путешественнику, который будетъ ѣхать по ней вдоль береговъ водовмѣстилищъ. И здѣсь, подобно тому какъ въ срединѣ Степи, почва измѣняется и представляетъ различныя степени плодородія, съ тою только разницею, что измѣненіе это здѣсь быстрѣе; различные роды почвы занимаютъ меньшія пространства и разбросаны клочками. Отъ этого происходитъ, что одно и тоже водовмѣстилище почти никогда не бываетъ наполнено водою одного и того же качества. Гдѣ дно рѣки или озера песчаное, тамъ вода бываетъ свѣтла и прѣсна или только солоновата; гдѣ-же почва глинистая или соледержащая, тамъ и протекающая или стоячая на ней вода мутна, солонa и горька. Плодородная почва обыкновенно бываетъ разсѣяна вблизи водовмѣстилищъ небольшими частями; принимая въ соображеніе это обстоятельство, становится невѣроятнымъ, чтобы здѣсь въ степи можно было основать большія поселенія. Сверхъ-того замѣчено, что гдѣ хорошая почва занимаетъ большое пространство, тамъ обыкновенно бываетъ значительный недостатокъ въ водѣ; и, наоборотъ, гдѣ довольно воды, тамъ часто недостаетъ пашенной и луговой земли. Но во всякомъ случаѣ, берега водовмѣстилищъ принадлежатъ къ самымъ оживленнымъ и веселымъ частямъ Степи. Въ близкихъ къ водѣ мѣстахъ, растительность бываетъ значительнѣе и продолжительнѣе, нежели въ другихъ. Здѣсь часто можно видѣть цѣлыя площади, покрытыя цвѣтущими растениями, и даже небольшія поля, засѣянные просомъ, ячменемъ, коноплею, арбузами и дынями; эти поля обрабатываются съ большимъ трудомъ неимѣющими своихъ стадъ Киргизами, посредствомъ искусствен-

наго орошенія. Густые высокіе тростники, занимающіе окраины водовмѣстилищъ, скрываютъ множество болотныхъ и водяныхъ птицъ, черепахъ и другихъ пресмыкающихся, большія стада дикихъ свиней, выдръ, и иногда даже тигровъ. Безчисленные рои комаровъ и мухъ довершаютъ неудовольствія пребыванія въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ.

«Избравъ мѣсто для своихъ маленькихъ пашень, Киргизъ производитъ орошеніе ихъ слѣдующимъ образомъ. Посредствомъ небольшихъ земляныхъ валовъ, онъ раздѣляетъ поверхность участка на квадраты различной величины, смотря по большому-или-меньшему склоненію почвы; самые большіе изъ нихъ имѣютъ 8 футовъ въ одну сторону. Чрезъ всѣ эти квадраты онъ проводитъ одну или нѣсколько канавъ, которыя съ одной стороны сообщаются съ рѣкою или озеромъ, а съ другой — съ самымъ отдаленнымъ или возвышеннымъ квадратомъ. Если почва возвышается отъ рѣки внутрь земли, тогда канавы пересѣкаютъ еще поперечными насыпями, для-того-чтобы поднятая съ большимъ трудомъ вода не стекала обратно. Если-же почва отъ рѣки понижается, тогда не роютъ канавъ, а орошеніе пашни производятъ непосредственно изъ рѣки. Изъ искусственнаго или естественнаго бассейна трудолюбивые Киргизы черпаютъ воду и наливаютъ ее сначала въ самые возвышенные квадраты; это продолжается до совершеннаго ихъ наполненія. Тогда они прорываютъ земляные валы между верхнимъ и ближайшимъ къ нему квадратомъ и вновь наливаютъ въ нихъ воды. Этотъ способъ орошенія, употребляемый и въ другихъ странахъ, кажется здѣсь совершенно соответственъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, потому-что тутъ должно быть болѣе бережливымъ съ землею, нежели съ водою. Собранные хлѣба, за неимѣніемъ строеній, Киргизы сохраняютъ въ выкапываемыхъ въ землѣ ямахъ, глубиною въ аршинъ.

«Выше замѣчено уже, что съ измѣненіемъ времени года, сильно измѣняется и видъ Степи. Лишь-только снѣгъ начнетъ таять и исчезнетъ съ вершинъ холмовъ, тотчасъ обнаруживается дѣятельность совершенно особеннаго рода. Двѣ главныя стихіи: вода и огонь, вступаютъ въ борьбу между собою, и кажется будто для этого безконечнаго пространства настало послѣднее время. Рѣки выступаютъ изъ береговъ; каждый ручей становится рѣкою, каждая рѣка превращается въ сильный потокъ, и каждое болото въ безбрежное почти озеро. На обсохшихъ уже мѣстахъ Киргизы зажигаютъ траву и кустарникъ, оставшіеся отъ прошлаго года; отъ этого воздухъ наполняется дымомъ, а горизонтъ кажется окруженъ огненнымъ моремъ. Весенняя вода, накопляясь въ низменностяхъ, затопляетъ почву, а на мѣстахъ возвышенныхъ огонь уничтожаетъ старую сухую траву. Огонь и вода возобновляютъ и укрѣпляютъ ослабѣвшія силы земли; и дѣйствительно, когда огонь потухнетъ, а вода постепенно удалится въ свои предѣлы, всегда

бываютъ весьма ощутительны благотѣльные слѣдствія этого величественнаго возобновленія. На черной, обгорѣвшей почвѣ возвышенностей въ скоромъ времени появляется роскошная, темнозеленаго цвѣта растительность, а на мѣстахъ, съ которыхъ только-что сошла вода, показываются пестрые цвѣты, отличающіеся яркостію красокъ; вокругъ цвѣтовъ вьются наѣкомыя и летаетъ безчисленное множество различныхъ птицъ. Но такая картина Степи продолжается недолго. Ирисы, тюльпаны и кусты миндальнаго дерева скоро исчезаютъ, и, какъ-будто волшебствомъ, мѣстность теряетъ все свое очарованіе: наѣкомыя пропадаютъ, птицы разлетаются. Остается только ослѣпительный свѣтъ, который разливаютъ раскаленные, иссушающіе лучи солнца по обширной зеленѣющей степи; появляется фата-моргана, въ черныхъ тучахъ гремитъ громъ, и пыль взвивается въ видѣ огромныхъ столбовъ. Но бури разгоняютъ облака, и путешественникъ напрасно ожидаетъ освѣжающаго дождя. Зеленъ яснѣе-и-яснѣе раздѣляется на разноцвѣтныя поля; сухіе солончаки и песчаныя равнины обрисовываются опредѣлительнѣе; рѣки, ручьи и озера постепенно возвращаются въ свои берега и высыхаютъ. Вода начинаетъ густѣть, мутиться и наполняется инфузоріями; песокъ раскаляется; укушеніе змѣй, скорпіоновъ и тарантуловъ становится опаснѣе, а тучи комаровъ и мухъ дѣлаютъ положеніе путешественника невыносимымъ. Трава желтѣетъ и засыхаетъ, и только по берегамъ водовмѣстилищъ и между песчаными холмами не исчезаетъ зеленъ въ-продолженіе цѣлаго лѣта. Наступаетъ осень; лучи солнца теряютъ свою жгучесть; воздухъ свѣжѣетъ, облака сгущаются, дожди освѣжаютъ почву, и вновь является зеленъ изъ-подъ травы, спаленной солнцемъ. Даже цвѣты распускаются вновь на берегахъ водовмѣстилищъ, и кажется будто возобновляется весна. Но въ это время настаетъ зима съ своими морозами и буранами, покрываетъ зеленѣющую почву бѣлымъ саваномъ и погребаетъ вновь ожившую природу въ глубокій сонъ.»

Что касается до абсолютной высоты страны, по которой проѣхалъ г. Нѣшель, то онъ полагаетъ, что самые возвышенные пункты ея имѣютъ отъ 600 до 700 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Къ-сожалѣнію, при г. Нѣшелѣ не было инструментовъ, которыми онъ могъ-бы производить подобныя измѣренія съ надлежащею точностію. Вообще, по наблюденіямъ его, страна склоняется отъ З., С. и В. къ Ю. Самые высокіе пункты составляютъ: съ одной стороны—мѣстность, на которой находятся озера: *Джитта-Куль*, *Айке*, *Чалкаръ*, а съ другой — источники рѣкъ *Ора*, *Илека* и *Эмбы*; самое-же низменное мѣсто составляетъ горизонтъ Аральскаго-Моря. За исключеніемъ гористой и скалистой мѣстности, лежащей между Орскою-Крѣпостію и озеромъ *Баткакъ-Куль*, также пространства, находящагося между рѣками *Оромъ* и *Иргизомъ*, въ остальной части Степи г. Нѣшель не встрѣчалъ настоящихъ цѣпей горъ или

холмовъ; но ему часто попадались отдѣльные уединенныя сопки, выдающіяся въ видѣ острововъ изъ существовавшаго здѣсь нѣкогда морскаго дна. Онѣ поднимаются до высоты 200 футовъ, и самыя большія изъ нихъ находятся на правомъ берегу *Иргиза* и на рѣчкѣ *Улкаякъ*; эти сопки отстоятъ недалеко отъ береговъ. Къ особенностямъ Степи относятся также глубокіе, воронкообразные овраги, дно которыхъ по большей-части бываетъ покрыто солью. Эти странныя, величественныя углубленія, при разсматриваніи ихъ снизу, кажутся горными ущеліями, потому-что бока ихъ весьма круты и трещиноваты: они поражаютъ путешественника въ-особенности тѣмъ, что представляются глазамъ его внезапно, оставаясь незамѣчаемыми въ плоской и ровной степи до самаго приближенія къ нимъ; иногда путешественникъ вдругъ видитъ себя совершенно неожиданно на крутомъ, высокомъ краю глубокой пропасти, никакъ не умѣя объяснить себѣ откуда взялась она. Одно изъ подобныхъ углубленій, или одна изъ этого-рода долинъ, которая весьма замѣчательна какъ по своей величинѣ, такъ и въ геологическомъ отношеніи, называется *Кара-Сай*, и простирается на 60 верстъ отъ С. къ Ю., между песчаной равниной *Кашелàка* и песками *Туссума*, къ Западу отъ верховьевъ *Тургая*. Эта долина глубока и состоитъ изъ рядовъ большихъ, воронкообразныхъ проваловъ, имѣющихъ большую-или-меньшую связь между собою, бока которыхъ размыты водою, округлены и часто имѣютъ до 100 футовъ высоты. Большею-частью безлѣсные, но всегда влажные отклоны ея, состоятъ изъ желтоватой или красноватой, тѣстообразной, вспученной соленосной глины, глинистаго мергеля и плитъ твердаго песчаника. На днѣ тянется длинный рядъ соляныхъ озеръ и солончаковъ, а въ мягкой почвѣ повсюду лежатъ обломки и иногда довольно хорошо сохранившіеся экземпляры морскихъ раковинъ, принадлежащихъ преимущественно къ родамъ *Turritella* и *Cardium*, и также весьма правильные кристаллы гипса.

— Д. Ч. О. Полковникъ *Болотовъ* представилъ новый нивелирный инструментъ, изобрѣтенный въ Вѣнѣ механикомъ Штамферомъ, и объяснилъ важныя преимущества его предъ другими такоже рода инструментами, употребляющимися при геодезическихъ съемкахъ. Записка объ этомъ г. Болотова помѣщена въ отдѣлѣ Смѣси настоящаго выпуска Г. И.

— Избраны въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: *В. В. Адеркасъ*, *В. В. Апраксинъ* и *А. Д. Философовъ*.

13 октября. — Присутствовало 62 Члена.

— Д. Ч. О. Капитанъ *Максимовъ* прочелъ составленный имъ «Полный обзоръ тригонометрическихъ работъ въ Россіи, произведенныхъ разными Вѣдомствами». Изъ статьи этой Общество

Библиотека для чтения
California
БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

**СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.**

Εμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τῷτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένων τῶν
τὴ ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont., IV, 8, 9.

ТОМЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1840.

Передъ иконами святыхъ,
 Склонилась съ женихомъ ;
 И тихо молятся за нихъ
 Старушка съ старикомъ.

СТ. СТЕПАНОВЪ.

ДУМА

НА КИРГИСЬ-КАЙСАЦКОЙ СТЕПЦ.

Необозрима степь глухая,
 Гигантовъ древнихъ плацъ-парадъ :
 Не здѣсь ли путь къ воротамъ рая,
 Иль переправа въ мрачный адъ?
 Здѣсь жизни порвано дыханье
 Пролетнымъ геніемъ земли,
 Гдѣ рѣдко, рѣдко, какъ мечтанье
 Одни промчатся журавли,
 Да караванъ весной убогой
 Бухарскихъ мирныхъ торгашей
 Глухой протянется дорогой
 Между киргизскихъ шалашей.
 Не такъ ли къ урнѣ погребальной,
 Склонясь головкой идеальной,
 Надъ прахомъ славнаго бойца
 Возникла статуя нѣмая,
 Какъ здѣсь весна полу-натая
 Стоитъ раздѣта, безъ лица?

К чему, какое назначенье
Она от Бога приняла?
Иль от пелень со дня рожденья
Тутъ гладкой скатертью легла?

Лишь тамъ окраинной степною
Идутъ уральскіе хребты,
И горы всходятъ за горою
Какъ исподинскія мечты,
Съдые остовы созданья,
Опоки дикой колыбель,
Какой завѣтъ, какая цель
Изъ аду вашего возстанья
Съ подземнымъ кладомъ изъ камней,
Съ бесплодной долей для людей?

Быть-можетъ, здѣсь, въ степяхъ широкихъ,
Ревѣлъ когда-то океанъ,
И грызъ плотины горъ высокихъ,
Границы предковъ Россіянъ.
Быть-можетъ, шли по немъ толпами,
Свистя по вѣтру флюгерами,
Изъ странъ далекихъ корабли
Въ концы невѣдомой земли.
И что везли, что продавали?
Какимъ мѣнялись языкомъ?
И что назадъ съ собою брали?
Не знаетъ свѣтъ теперь о томъ!

Быть-можетъ, здѣсь, въ украинѣ міра,
Цѣла древнѣйшая Пальмира,
Законъ писавшая морямъ
И миръ далекимъ королямъ.
Нашъ міръ пѣмой, нашъ міръ туманный,
Кому ты думы повѣрялъ?

Кто свитокъ твой первоначальный
Въ смиренной кельѣ прочиталъ?

Ландкарты древняго узора
Въ обломкахъ міра не узнать;
Потопъ замылъ слѣды поворота,
И стеръ, не выпустилъ въ печать,

И нынѣ, здѣсь, на плоскомъ днѣщѣ,
Морей погибшихъ становищѣ,
Кочуютъ дикія орды,
Враждебныя, полу-ваги;
И только ихъ одни слѣды
На степи брошены родныя.
Что жъ эта степь? широкій щитъ?
Богатой Индіи порфира?
И эта нищая лежитъ
У ногъ властительнаго міра!
И онъ ея не растопталъ!
Не разметалъ пески пустыни!
Орловъ заметныхъ не скликалъ
На недоступныя твердыни,
Гдѣ между небомъ и землею,
Какъ падишахъ самодержавный,
Деванагиръ возникъ съдой
Въ своей краѣ первоначальной!
Гдѣ эриерейскій океанъ
Горитъ фосфорными волнами!
Тамъ, гдѣ коралловый Цейланъ
Роскошно нижетъ жемчугами,
Гдѣ кладъ изъ омутовъ отрытъ,
Гдѣ жизнь привольная кипитъ
И въ руки Англіи спѣсивой
Товаръ мѣняетъ прихотливый!

Но нашъ просметается исполнѣнь,
И заселенная дорога

Пройдетъ въ конецъ пустыхъ равнинъ,
И у завѣтнаго порога,
У крѣпко-запертыхъ воротъ,
Онъ, ключъ заржавленный найдетъ.

КОНЕЦЪ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Много въ небѣ горитъ
Яркихъ звездочекъ,
Много въ полѣ цвѣтеть
Пестрыхъ цвѣтиковъ.
Но изъ звездочекъ тѣхъ
Всѣхъ привѣтливѣй,
Что какъ блесточка тамъ
Золотистая,
Что съ вечерней зари,
Вплоть до утренней
Всѣ на мѣстѣ одномъ
Ярко теплится;
Та, что люди зовутъ
Сердца звездочкою,
Лучезарною здѣсь,
Беззакатною.
А изъ цвѣтиковъ тѣхъ
Всѣхъ безцвѣтнѣе
Сердцу милый цвѣтокъ,
Незабудочка.
И я глазъ не свожу
Съ яркой звездочки;